

Александр
ПОВАЛЯЕВ

Лесная
колдунья

Сказка «Лесная колдунья» — для взрослых и не очень. Дело было на лесном кордоне, где-то в самой-глуши таежных лесов. Живет — поживает в старом заброшенном доме лесника домовой, скучает да ждет нового лесника. Всего-то и радости, что иногда по-соседски заглядывает леший. Всё изменяется с приходом нового жителя — лесника Глаши. От скуки и уныния не остается и следа. Да и домовому с лешим приходится менять привычки. Ведь с колдуньями не поспоришь!

Александр Поваляев

Лесная колдунья

Сказать о доме, что он был старым, значило бы сделать его моложе лет, этак, на сто пятьдесят — двести. Он был не просто старым. Очень старым. Почерневший от времени сруб из лиственницы не боялся ничего. Ни дождя, ни снега, ни жары, ни морозов. Ничего, кроме огня. Он стоял здесь уже не первый век. Только окна были помоложе, потому что позже их расширили и поставили новые рамы со стеклами. Раньше стекол не было. Однако, от этого в доме стало ненамного светлее, потому что деревья, стоящие вокруг дома, пропускали не слишком много света. Вокруг была тайга.

Ступени, истертые несколькими поколениями людей, уже дважды меняли. Сам дом, как бы врос в землю и покрылся мхом у основания, но от этого казался еще прочнее и надежней. Сейчас в доме никто не жил. Точнее, почти никто. Люди здесь не появлялись уже несколько лет. И все же, дом был обитаем. Неразлучен с ним был старый домовый. Они с домом были ровесниками. Многие могли бы они порассказать о тех, кто когда-то здесь жил, но не было никого, кто слушал бы эти рассказы.

Дом был молчалив. Домовой тоже не отличался словоохотливостью, но в последнее

время его все чаще стало тянуть к общению. Он не смог бы объяснить причину но, все было именно так. Может быть именно поэтому, он все чаще ворчал что-то себе под нос, обходя свои владения. Изредка постукивал по стенам, полу и потолку, распугивая лесных духов, случайно забредших сюда. Они не причиняли вреда и беспокойства ни домовому, ни дому, но... порядок — есть порядок! Лесные духи должны жить в лесу. В доме должен жить домовый. И люди. А вот их-то и не было...

Поднявшись на чердак, домовый задумчиво почесал лохматую голову. Вот и последний хозяин прожил здесь не слишком долго, всего-то сто семь лет... и помер. Приехали какие-то чужие люди и закопали хозяина в землю. Такой у них порядок. А порядок — есть порядок! Пожили в доме несколько дней, да и уехали...

Домовому лет было может триста — четыреста, а может и поболее но, он и не собирался помирать. Еще чего? С какой бы это радости? На вид он был таким, как и сто лет назад, домовые живут и до тысячи лет, переживая иной раз, несколько домов. Лохматая шевелюра, лишь изредка выдавшая старый гребень, когда у хозяина случалось надлежащее настроение, была неопределенного цвета. Слегка косолапые ноги, еще довольно резво носили его по всему дому, исправно стаптывая лапти, которые плел ему

леший. По старой дружбе. Изредка они встречались, так как жили по соседству. Но каждый жил по своему. Порядок — есть порядок!

Ростом домовый был сантиметров шестьдесят и считал это вполне нормальным. Больше-то зачем? Что ему, кедровые шишки с веток срывать, что ли? Он умел многое. Проходить через закрытые двери и стены. Становиться невидимым, когда появлялись люди. Не положено людям видеть домовых. Непорядок от этого может получиться. Он не знал какой именно но, это не имело значения, потому что порядок должен быть во всем!

Умел оберегать жильё от непрошенных гостей и старым веником отгонять беду от дома. Однажды только осерчал он на хозяина за то, что тот обругал его бездельником, который шастает по дому, да спать мешает. Тогда и свалила хозяина хворь. Два месяца болел, пока не помирился с домовым. А то, как же! Домового обижать нельзя... С ним приветливым быть надо. Уважать. Тогда и в доме порядок будет завсегда. Много чего умел домовый... Не умел только людей возвращать, когда они уходили. А без людей и дом не дом. Так, куча бревен...

* * *

На крыльце кто-то топал ногами, видимо

стряхивая с обуви снег. Домовой насторожился. Неужели? Взлетев на чердак, он глянул вниз. Хм! На крыльце стояла... хорошенькая девчушка! Рыжие волосы выбивались из-под вязаной шапочки, на крыльце стояли прислоненные к стене лыжи, а она возилась с замком. Раньше никакого замка не было. Его зачем-то повесили чужие люди, что были здесь в последний раз. Замок упрямо не открывался.

— Нет, — подумал домовой, — дом не должен быть под замком! Это что же получается? Может это новая хозяйка пришла, а в дом войти не может! Замерзнет ведь! Она же не дух лесной. Надо помочь, — решил он, — Глядишь и мне повеселее будет... За спиной девушки чуть слышно щелкнул и открылся замок... Сам!

— Ой! — от неожиданности девчушка даже рот приоткрыла, — Чудеса какие-то! То открываться не хотел, а то вдруг сам...

Распахнув дверь, она вошла в дом и осмотрелась вокруг. Потом вышла на крыльцо и внесла в сени лыжи. Закрыла дверь. Еще раз осмотрелась и, обращая то ли к дому, то ли к домовому, с улыбкой произнесла:

— Ну, здравствуй! Я очень рада тебя видеть!

— Странно, — подумал домовой, — как это она может меня видеть? Это же непорядок! — от растерянности он даже стал видимым.

— Ой! — снова ойкнула девчушка, — Здравствуйте! А вы кто? Наверное домовой? — догадалась она.

Домовой еще больше растерялся. Он тихо сел на пол, не сводя глаз с этой непонятной и странной гостьи, которая все видит, ничего не боится, да еще и... приветливая такая! Почему-то захотелось сделать ей что-нибудь приятное. Но ничего толкового в голову не приходило.

— Мышей танцевать заставить, что ли? Нет, это не то... — усиленно размышлял он, — Паутинные гирлянды развешивать — не сезон. Спят все пауки. Дом-то нетопленный... Стоп! — хлопнул себя по лбу домовой, — Вот что надо! Печь растопить! Замерзла, небось. А то, неровен час, захворает еще.

Снова став невидимым, он кинулся растапливать печь, производя при этом столько шума, что можно было подумать, что весь дом бросился встречать гостью. Не прошло и минуты, как в печи запылала дрова. Дом одобрительно вздохнул. Если в дом пришли люди, то положено топить печь. Таков порядок. А порядок — есть порядок! Движимый непонятным желанием понравиться, домовой начал уборку в доме. Только теперь девчушка пришла в себя и решительно заявила:

— Ну уж нет! Так дело не пойдет! За печку,

конечно, спасибо. Но вот порядок в доме я сама наведу! — ловко перехватывая летящий мимо нее веник. — Нечего из меня белоручку делать! — добавила она, — В своем доме я сама буду хозяйкой! И за порядком следить тоже буду сама. А если понадобится помощь, то попрошу. Не обижайся на меня, — добавила она виноватым голосом, — Я хочу, чтобы в моем доме было все уютно и красиво. Давай дружить... Меня зовут Глаша. Я новый лесник, поэтому и буду теперь жить здесь. А как мне тебя называть?

— Ну, уж дудки! — проворчал себе под нос домовой, так я и сказал тебе, как меня зовут! Непорядок это, когда люди и домовые разговаривают между собой. А девчонка-то, молодец! — неожиданно улыбнулся он. — Гляди, как веник-то ловко выхватила! Да и с характером! А обходительная какая... Не успел обидеться, как она тут же помирилась. И права ведь! Порядок — есть порядок! Раз она новая хозяйка, то и следить за домом должна сама. Вот же стрекоза! Ладно, посмотрим, что ты делать-то умеешь.

* * *

Работа у Глаши шла споро. Все у нее горело в руках. Через какой-то час в доме был полный порядок. Что-то переставлено на другое место,

что-то убрано совсем. Сколько не искал дотошный домовый, он так и не смог отыскать ни остатков мусора по углам, ни пыли на неброской мебели. Все сияло чистотой, а в печи уже готовилось что-то очень аппетитное.

Уставшая, но довольная Глаша сидела за столом, сложив руки на коленях. На вид ей было лет двадцать. Рыжие волосы, достающие до плеч, были слегка разлохмачены, а короткая челка прилипла ко лбу. Слегка вздернутый носик задиристо приподнят к потолку. Явно знакомая со спортом фигурка обтянута спортивным костюмом с засученными рукавами и подвернутыми штанинами. Редкого, темно-синего, цвета глаза рассеянно осматривали все вокруг, а на чуть полноватых губах бродила легкая улыбка. Дом ей нравился. Да и домовый... тоже.

— Все равно я с тобой подружусь! — подумала она про себя, на что домовый, который умел читать мысли людей, неожиданно для себя ответил вслух:

— Фигушки! Ишь, какая шустрая!

Глаша звонко рассмеялась, обернувшись на голос.

— Ну не сердись на меня, Котик... Можно я тебя буду так называть? Нам же веселее будет вдвоем, чем поодиночке. Ты же обрадовался, когда меня увидел. И я рада, что ты есть в доме.

Вдвоем-то мы с любой бедой справимся. Правда?

— Котик! — обалдело подумал домовой и оглядел себя, — Чем это я на котика похож? Ишь ты, ласковая какая! — теплая волна прошла через все его тело, — Так, глядишь и впрямь подружится...

Он надолго задумался. Никто и никогда еще не обращался к нему так ласково... Ругали, побаивались, подлизывались, задабривали... Это было. Но чтобы вот так... Да-а-а, непростая, видать... хозяйка. Он снова запустил пальцы в шевелюру и озадаченно почесал свою, почти квадратную, голову. Мысли и чувства раздваивались. Положено было не показываться на глаза и не разговаривать с людьми, но что-то так и тянуло к этой... даже и назвать-то как не знаешь, Глаше... Бойкая девчонка... Добрая. Это хорошо... когда хозяин добрый. Или хозяйка.

* * *

На следующий день Глаша топила баню. Осерчала, когда домовой попробовал помочь носить воду из колодца. Сама все хотела делать. С характером!

Баня была ровесницей дома, наполовину вросшая в землю и оттого казавшаяся меньше, чем была на самом деле. Густые заросли крапивы

окружали ее летом, а сейчас она была почти по самую крышу занесена снегом.

— Котик, а ты подглядывать не будешь? — со смехом спросила Глаша.

— Больно надо! — проворчал домовый и отправился... в баню. Очень уж ему интересно было, как новая хозяйка умеет париться. Какая же баня без пара? Это не баня. Все старые хозяева любили и умели париться. Да и домовый с ними был не прочь в баньке посидеть. Чего уж тут. Любил он тепло.

Глаша вошла в парилку и первым делом плеснула пару ковшей на раскаленные камни, после чего, с явным удовольствием, растянулась на полке. На самом верхнем. Клубы пара моментально окутали ее тело. Старые хозяева всегда надевали в парилку шапку. Чтобы не ошпариться. Голову не перегреть. Новая хозяйка этого видимо не знала.

— Ну-ну, — потер руки домовый, — посмотрим, как ты без шапки-то справишься!

Даже ему уже стало жарко, когда Глаша поддала еще пару. И только теперь домовый сообразил, что шапка ей была совсем не нужна. Ее густые огненно-рыжие волосы были не хуже любой ушанки! Схватив пропаренный березовый веник, она попыталась похлестать им себя, но это у нее, к удовольствию домового, получилось не очень умело. Сделав еще пару попыток, она неожиданно

сказала:

— Котик, попарь меня, пожалуйста... я же знаю, что ты здесь. У меня самой что-то не получается.

— Учиться надо! — неожиданно для себя сказал домовой, — Что мне, делать больше нечего? — и... взялся за веник.

Сначала он хотел устроить ей настоящую, мужскую парную, но что-то сдержало его первый порыв и он начал, сначала осторожно, а потом сильнее охаживать веником молодую хозяйку. Он улыбался невесть чему и удивлялся переменам, которые начал замечать за собой после появления Глаши.

— Не иначе, как колдунья какая-то! — попытался оправдаться он перед собой.

Через несколько минут Глаша выскочила из бани и нырнула в ближайший сугроб, оглашая окрестности веселым смехом. Домовой с неожиданным уважением наблюдал за этим. Да, похоже, что в бане хозяйка толк знала! Ну, а веником махать... это — научится. Новая хозяйка домовому, определенно, нравилась все больше... С характером!

Через час, вдоволь напарившись и накупавшись в снегу, Глаша пила чай из большого бокала, который привезла с собой. Домовой подсунул ей старую банку с малиновым вареньем,

которой она обрадовалась, как маленький ребенок. Домовой невидимкой сидел в стороне, а Глаша с лукавой улыбкой поглядывала в его сторону, чем немало озадачивала. Создавалось такое ощущение, что она все время видит его! Точно — колдунья!

* * *

Через несколько дней леший принес соседу новые лапти. Поизносились старые-то. Сидя в нетопленной баньке, завели разговор и о новой хозяйке. Леший уже несколько раз встречал ее в разных местах тайги. Пытался даже пару раз заморочить, но... Глаша вела себя так, словно выросла в этой чащобе. Пробовал напугать. Снова ничего не получилось. Вот и пришлось лешему лапти плести, да к соседу в гости топать. Интересно стало, кто такая.

Домовой только посмеивался, слушая гостя. Сам-то он уже перестал удивляться. Ну, или почти перестал. Новая хозяйка почти не сидела дома. Все-то ее интересовало вокруг. Скоро и леший, неожиданно для себя, зауважал ее. Она не боялась ничего и никого! Заходила в такую даль и чащобу, что леший уж и не помнил, когда там в последний раз появлялись люди. Да и появлялись ли... Но больше всего лешего подкупало то, как Глаша относилась к лесу и его жителям. Ничего не

упускали ее озорные глаза. Ни поваленного дерева, ни заросшего ручья... Даже под сугробами все видела! Точно сказал про нее домовый... Колдунья! Давненько уже в тайге их не видали. Леший даже заулыбался от удовольствия:

— Как в старые добрые времена... — мечтательно протянул он, — Значит весело теперь в тайге будет. А то скукотища-то какая за последние сто лет! Ни тебе Бабы Яги, ни колдуний... Русалки с кикиморами и те куда-то запропастились! Водяной лет двадцать назад в последний раз появлялся. Говорят, что к родичам подался от скуки...

Леший щелкнул по носу зазевавшуюся белку и, довольный своей шуткой, отправился в ближайшее дупло спать. День клонился к закату.

* * *

Ближе к весне Глаша познакомилась и с лешим, который заявился в гости, притащив две пары новых лаптей для нее. Глаша долго смеялась, пытаясь их примерить. В конце концов, домовый и леший не выдержали и пришли на помощь. Ну, что взять с городской! Хотя и не знали толком, что такое город... В их представлении город был похож на очень большую деревню. Эдак, дворов на сто. Хотя, вряд ли... Это где же столько народу-то

набрать!

Пытаясь объяснить хозяйке, как надевать лапти, соседи сами не заметили, что стали видимыми. Когда же поняли это, то успокоили себя тем, что большой беды в том нет. Колдунья же! Все равно все видит...

Через час, все втроем, они сидели за столом и с удовольствием пили душистый чай. Глаша, не скрывая любопытства, во все глаза разглядывала своих соседей. Она их ни чуточки не боялась. Точно — колдунья!

Разговор шел обо всем и ни о чем... Им было просто приятно сидеть вместе. Уже за полночь, хозяйка пожелала гостям доброй ночи и отправилась спать. А леший и домовый до самого утра о чем-то шушукались, сидя на теплой печке...

Весна выдалась ранняя. Домовой с удовольствием грелся на солнышке, если выпадала хорошая погода. Следить за домом стало намного легче, Глаша успевала везде. Ее рыжая грива мелькала всюду, а веселый смех был слышен далеко окрест. Изредка исчезала на несколько дней. Где бывала, что делала? Да кто ж ее, непоседу знает! Может на шабаш бегала, может колдовать ходила... Поди угадай. Спрашивать не положено. Порядок — есть порядок.

В такие дни Леший завсегда заглядывал. Вместе с Домовым и поджидали ее возвращения.

Тихо радовались, когда слышали знакомый смех. Даже на душе как-то теплее становилось. Хотя... какая там душа у лешего или домового? Но, это было не так уж и важно. Теплее и все тут! А на душе или на чем другом... неважно. Одно слово — ждали и радовались ее возвращению. С ней было не в пример веселей.

Выдумщица большая. Как что-нибудь отмочит! Хоть стой, хоть падай... И откуда что бралось? Вон, намедни, взяла и поколотила Лешего за то, что ноги не вытер и наследил. А когда это лешие ноги вытирали? Придумает же! Весь веник об него обломала, а потом заставила новый из леса принести. Леший конечно мог бы и сбежать или, скажем, спрятаться, но... не захотел почему-то. И веник знатный принес. Прутик к прутику! А потом снова, втроем, чай пили.

Леший поначалу было надулся, но Домовой ему быстро объяснил, что порядок, он и есть порядок! Это тебе не в лесу шастать, в доме должно быть чисто. Нечего грязь таскать. Помирились.

Или вот недавно, Глаша снова удивила соседей. Да так, что они с перепугу попрятались кто куда. Это где же видано, чтобы какая-то штука, полено — не полено, песни пело, да еще и музыку играло??? А то еще, как начнет на разные голоса что-то рассказывать... А что ты хочешь? Одно слово — колдунья! За всю жизнь Леший с Домовым

таких колдуний не встречали. Это где ж такое видано, чтоб полено песни пело? И не само по себе, а только тогда, когда Глаша захочет.

Пробовали и Домовой с Лешим уговорить какое-нибудь полено им что-нибудь тоже спеть. Половину поленницы перебрали — нет! Не хотят. Дрова дровами. Не то что песен, а даже слова не вытянешь. Одно слово — колдунья! Попробуй такой не угодить... Глядишь, самого в полено превратит! С нее станется. Вон какая! Но... добрая и душевная. Зазря не обидит никого.

Куда там Кощею до нее или бабе Яге, про которых Лешему дед сказывал. Их счастье, что не дожили. А то бы Глаша им накостыляла по первое число. Пакостники были известные. А Глаша порядок во всем любит. Вон, даже Леший теперь аккуратно ноги вытирает, когда в гости приходит. Порядок — есть порядок! А одному-то в лесу скучно...

* * *

Поет Глаша, на пару с радиоприемником, порядок в доме наводит. Леший с Домовым тихонько на печке сидят, слушают. Нравится им, когда хозяйка поет. Голос у нее красивый, певучий. Век бы слушали. А сколько песен знает! Ни в жизнь столько не упомнишь, а ей хоть бы что. Поет и

поет. И веселые и грустные, всякие. Да и полено тоже хорошо поет. Но Глаша — лучше! Своя, все-таки. Сейчас ей лучше не мешать, а то выгонит на улицу. А там слышно хуже. Да и не видно... Одно слово, порядок — есть порядок!

— Ну, что? Чай пить будете? — раздался голос Глаши, — Ладно уж, идите к столу. Разговор есть.

Домовой с Лешим удивленно переглянулись.

— Что это с ней? — спросил Домовой, — Раньше никаких разговоров не было, кроме обычных... А тут, на тебе! Разговор!

Леший пожал плечами, но ничего не ответил. Вздохнув, Домовой стал слазить с печи. Следом сполз и Леший. Когда все уселись за столом, Глаша сказала:

— Мне в город надо, так что вы уж тут без меня похозяйничайте. Да и за лесом присмотрите. Мало ли что...

— А что мне в лесу делать? — удивился Домовой, — Вон, Леший пусть и присмотрит. Он всю жизнь в лесу живет, каждый пенек знает. А мне и дома хорошо! Буду я еще лапти стаптывать! Неровен час, ушибусь где! Не-е-е-ет! Я дома посижу...

— Эх, ты! А еще друг называется! — возмутился Леший, — Я ж тебе по дому помогаю!? Вон, дрова помог запасти и сложить! Баньку помог